

Город как миф: литовская столица

в свете культур воспоминания

Раса Чепайтене

В статье исследуются вопросы влияния разных идеологических систем и политических режимов на политику памяти и культуры воспоминания в городе Вильнюсе с древних времен до начала XXI-ого столетий. Опираясь на теории политических мифов, визуальной семиотики и коллективной памяти анализируются публичные пространства города. Ставятся вопросы, почему и каким образом разные политические режимы изменяют облик литовской столицы? Интерес данному городу не случаен, поскольку в нем особенно яркие следы идеологических манипуляций урбанистическим ландшафтом.

Введение. *Genius loci Vilnensis*

В Европе мало городов, которые были бы так мифологизированы как Вильнюс. Имею в виду из прошлого перенятые рассказы, которые необязательно должны соответствовать фактам. История этого города так странна, что она сама напрашивается быть перенесена в пространство сказки, что уж не раз и делали; и повествования эти различались, смотря кто их рассказывал: литовцы, поляки, евреи или белоруссы¹ - писал нобелевский лауреат Чеслав Милош, годы детства и юности которого прошли тут.

Действительно, прошлое Вильнюса до сих пор не поддается объективности анализа и безпристрастности изложения². Все посвященные ему тексты и устные рассказы (может, лишь за исключением каноническим «деревянным» новоязом пронизаной советской версии истории города³), не смотря на то, их автором являлся вдохновленный поэт, профессиональный историк или ежедневно с группами туристов

¹ Milosz Cz., *Vilnius. Pokalbiai apie atminties ateitį. Gespräche über die Zukunft der Erinnerung. Rozmowy o przyszłości pomieci.* Vilnius, Baltos lankos, 2001, p. 79

² Автор статьи искренне благодарна археологу Гедиминасу Вайткавичусу, историкам Валдасу Селенису, Дарюсу Сталюнасу, Живиле Микайлене и слависту Павелу Михайловичу Лавринецу за консультации и помощь при написании данного текста.

³ В 1968 г. вышла в свет книга И. Юргиниса, В. Меркиса и А. Таутавичюса *История города Вильнюса от древнейших времен до Октябрьской революции*, а в 1972 г., под редакцией главного идеолога литовских советских историков, директора Института Истории Литвы Ю. Жюгжды, - *История города Вильнюса от Октябрьской революции до сегодняшнего дня.*

работающий гид, навеяны каким-то особым эмоциональным тонном. Как писал другой творец мифологии этого города, межвоенный фотограф Ян Булхак: *настоящий Вильнюс для снобов остается замкнутым и немым. Надо ли раскрываться перед варварами, охотищимся за сувенирами, которые ничего не смыслят в настоящих ценностях? Город открыться отнюдь не каждому, потому-что он тихим голосом гласит о простых и великих вещах. Не кричит как базарный торговец, не хвастается своими богатствами – он только желает, чтобы добродушно настроенные путешественники все узнали сами. И в этом он прав⁴.*

Фото 1. Борьба за «правильное» имя города. Граффити на стене забора закрытого индустриального комплекса (автор фото Р. Чепайтене)

Образ Вильнюса как таинственного истока вдохновения многочисленных поэтов, мыслителей, мистиков и пророков разных времен, национальностей и конфессий наводит на мысль об особености его *genius loci*. Этот с античных времен известный феномен в разных культурах изначально определялся как невидимое духовное существо – хранитель места⁵, а в новое время стал ассоциироваться с *особой атмосферой* местности, тяга к которой отныне успешно используется и туристической

4 Bulhak J., *Vilniaus peizažas. Fotografo kelionės [Вильнюсский пейзаж. Путешествия фотографа]*. Vilnius, Vaga, 2006, p. 21-22.

5 Левинтов А. Е., Гений места, совесть места, проклятые места. *Лабиринт*, 2013, № 3, с. 88–96.

индустрией. Различные этносы традиционно называют этот город по-своему – *Vilna* в письменных источниках, написанных на латыни и некоторых других языках, *Vilnius* на литовском, *Вильня* на белорусском, *Vilne* на идиш, так ненавистное литовцем *Wilno* (фото 1) – на польском и так далее⁶. Наверное, именно ощущение гения места Вильнюса, парадоксально, имело немаловажное значение и для создания разного рода концепций особой миссии этого небольшого провинциального города в пространстве цивилизации, (гео)политики, религии и культуры, начиная с (в хронологическом порядке появления) «Северного Иерусалима»⁷, через «Северные Афины»⁸, до «столицы Божьего милосердия»⁹ и кончая новейшей концепцией «второго Киева»¹⁰.

6 Gousset C., Wilno, Vilné, Vilnius, capitale de Lituanie. A l'Est, la mémoire retrouvée, (sous la dir. de A. Brossat, S. Combe, J.-Y. Potel, J.-Ch. Szurek). Paris, La Découverte, 1990, p. 489-520.

7 Идея Вильнюса как Северного Иерусалима, или, точнее, Литовского Иерусалима (*Yerushalaim d'Lita*) радилась в среде местной иудейской общины в XVIII в, когда, при жизни ее духовного лидера Вильнюсского гаона Елиаху, город стал важным духовным центром мишнагдов. Но и католической части горожан Иерусалим еще во второй половине XVII в. сделался осязаемым понятием – так назвали деревню (ныне – район города), в окрестностях которой создавались Вильнюсские Калварии – Крестовая дорога, скорым временем ставшая одной из основных мест регионального пономничества. Таким образом эта местность как на символическом, так и на физическом уровне стала инкарнацией Святой Земли. Кстати, и самому городу исторически присущее конфессиональное разнообразие можно считать своеобразной аллюзией на Иерусалим, что отразилось и в сакральном ландшафте города. Тут проживавшие этнические и религиозные общины создавали собственные духовные центры и пространства, которые иногда разделялись видимыми барьерами, а иногда частично перекрывались, выделяя места и объекты, важные и почитаемые несколькими общинами. Самый известный из них, хотя отнюдь не единственный – Острая брама и чудотворный образ Матери Божьей Остробрамской, почитаемый как католиками, так и православными, и униатами.

8 Хотя идея Вильнюса как «Новых Афин польской культуры» мимоходом упоминается в путеводителе В. Гизберга-Студницкого от 1921 г., основателем этой концепции является племянник Чеслава Милоша Оскарас Милашюс (Oscar Vladislas de Lubicz-Milosz, 1877-1939) – поэт, мистик, дипломат, сознательно выбравший литовскую идентичность и, долгие года живя в Париже, всячески помогавший молодому литовскому государству, став его представителем во Франции. На пороге Второй мировой войны он пророчествовал, что Европа стоит на грани катастрофы и что после долгих невзгод литовский народ воспрянет и совершит ту моральную роль для Европы, что в древние времена исполнили Афины, и что именно в Вильнюсе прорастет ростки новых надежд для европейской цивилизации. В визию поэта Литва в чистом виде хранила те (пра)европейские ценности и идеалы, которые Запад к этому времени уже почти потерял, как (потенциальный) последний оплот европейской цивилизации. Об этой визию Милашюса вновь вспомнили во время национального возрождения 90-ых. Тем временем три активиста литовского *Саюдиса* Арвидас Юзайтис, Саулюс Стома и Саулюс Шалтенис провозгласили «Манифест Северных Афин» и создали культурный журнал под этим же названием, который существует по сей день.

9 «Столицей Божьего Милосердия» Вильнюс стал благодаря другому мистика – польской монашке святой Фаустине Ковальской (1905-1938), которая провела в городе лишь три года – с 1933 по 1936, но именно этот короткий период стал существенным для ее духовного становления и создания культа Божьего Милосердия. Опираясь на свои мистические видения Христа, при поддержке духовного отца, местного ксенза Михала Сопочко, она инициировала написание красками Образа Христа Милосердного, которого нарисовал местный художник Евгениуш Казимировский. В последствии этот Образ и культ стали почитаемыми католиками всего мира (сам Образ ныне хранится в костеле Божьего Милосердия в старом городе Вильнюса). См. подробнее: http://en.wikipedia.org/wiki/Faustina_Kowalska#Vilnius:_meeting_Father_Sopo.C4.87ko

Долговековой традиции мифологизации города способствовало не только поэтическое слово, но и обманчивая правда старого (как и нового, продолжающего традицию романтического, созерцательного взгляда на виды города) снимка, от трудов фотографов XIX-ого – первой половины XX-ого в.в. Юзефа Чеховича, того же И. Булхака, до нынешнего творчества Юзаса Валюшайтиса, Арунаса Балтэнаса и многих других вильнюсских фотографов.

Лаймонас Бриедис, написавший книгу *Vilnius – city of strangers* (2008 г.), в которой город показан глазами его посещавших иностранных путешественников¹¹, одним из первых обратил внимание на странную особенность притягательности города, то, что, будучи провинциальным, в течении истории он умудрился стать центральным местом для тех наций, на периферии которых оказался – литовцев, поляков, евреев, белоруссов и даже русских¹². Но, на мой взгляд, говоря о сегодняшнем дне, главный парадокс восприятия Вильнюса кроится в том, что большинство его нынешних жителей литовцев¹³ искренне уверены, что знают о нем все, хотя в действительности прошлое

10 Вильнюс как потенциальный «второй Киев» появляется в концепции социолога Зенона Норкуса, доказавшего имперскую природу и характер Великого княжества литовского в своем объемном труде «Нерповозгласившееся империя: Великое княжество литовское в свете сравнительной исторической социологии империй» и других статьях. По его интерпретации, в XIV в. великий князь Гедиминас претендовал на наследие всей Киевской Руси. Если бы его потомкам удалось бы остановить или значительно ослабить становление Московского государства как «третьего Рима», Вильнюс стал бы «вторым Киевом» и его наследие не было бы поделено между тремя восточнославянскими этносами, на которые после неудачи имперского проекта ВКЛ в последствии распадутся русины. По-этому Вильнюс стал не центром воссоздания русинского единения Киевской эпохи, а предопределил их раздробление на отдельные нации белоруссов и украинцев. Кстати, для Киева Вильнюс еще раз сыграл особую роль уже в современную эпоху, став претекстом и толчком «Революции достоинства» (как известно, именно на Вильнюсском саммите Восточного партнерства в 2013 г. Президент Украины Виктор Янукович отказался подписать Соглашение об ассоциации с ЕС, с чего начался Майдан).

11 *Vilnius – city of strangers* изначально был написан на английском языке уроженцем города, защитившемся и работающем в Торонто Лаймонасом Бриедисом. На литовский язык книга переводилась под названием *Вильнюс – свой и чужой* (2011 г.) и, насколько мне известно, перевод ее разразился немалым скандалом, когда возмущенная авторской интерпретацией истории города, уходящей за рамки привычного узкоориентированного литовского национализма, переводчица посреди дела бросила свою работу...

12 Briedis L., „*Vilniaus istorijos tiesiog bijoma*“ [*Истории Вильнюса просто бояться*] (интервью с Л. Бриедисом в новостном портале Bernardinai.lt от 9-ого января 2012 г.). <http://www.bernardinai.lt/straipsnis/2012-01-04-laimonas-briedis-vilniaus-istorijos-tiesiog-bijoma/74445>

13 Город был демографически и культурно литуанизирован лишь в советское время. В конце XIX-ого – начале XX-ого в.в. он был одним из региональных центров западных окраин Российской империи, имевший примерно 150 тысяч жителей. По данным переписи населения жителей Российской империи от 1897 г. в Вильнюсе проживало около 40 % евреев, 30,9% поляков, 20 % русских, 4,2 % белорусов и лишь 2.1% литовцев. После Холокоста и репатриации польского населения в основном в Польшу вновь приобретенные западные территории, статистика жителей города кардинально поменялась. Начиная с переписи 1954 г. доля литовской общины постоянно возростала (с 34 (1954), до 57,5 (2001) и, наконец достигла 63,2 (2012)).

столицы для них по сей день остается туманным и непостижимым, а некоторые эпизоды его истории вообще мало изучены или, скорее, и дальше осознанно умалкиваются. Давольно характерным тут можно считать хотя бы факт, что последний синтез истории города вышел в свет еще в советское время.

Но эту историографическую брешь все активнее стала заполнять литература разных жанров и качества, начиная первым, нашумевшим, литовским постмодернистическим романом Ричардаса Гавелиса – *Вильнюсский покер* (1989 г.) или фундаментальной студей-альбомом Владаса Дрэмы *Исчезнувший Вильнюс* (1991 г.), собравшего внушительное количество иконографии потерянных архитектурных памятников, популярных путеводителей по городу поэта, профессора Йельского университета Томаса Венцловы¹⁴, до новейшего случая – на подростковую аудиторию рассчитанного приключенческого романа–комикса–путеводителя по городу «Мой Вильнюс мой» (2015 г.), написанного известным профессором права Юйстинасом Жилинскасом. Надо заметить, что интерес к прошлому города в популярной культуре в последнее время даже превращается в своеобразное культовое явление. Например, бешеного коммерческого успеха и всеобщей народной любви удостоились как исторический роман-трилогия Кристины Сабалюскайте *Silva rerum*, по местам действия которой даже начаты проводиться экскурсии, так и романы в жанре *steampunk* Андриуса Тапинаса¹⁵, в которых известные места города стали сценой для действия альтернативной истории начала XX-ого века.

Чем можно объяснить сегодняшний «бум» интереса к истории Вильнюса, чаще всего переодетой в жанр исторического романа с интригующим сюжетом довольно высокого художественного качества, тем более, что профессиональные историки либо опаздывают с предложением чего-то соответствующего¹⁶, либо их находки и новые интерпретации все еще остаются разбросанны по узкопрофессионально ориентированным и, естественно, малочитаемым статьям? Думается, ответа тут надо прежде всего искать в смене поколений. Для родившихся и выросших в городе несколько поколений литовцев «инородные» периоды его истории и их физическое

¹⁴ Посвященные городу книги поэта появились на разных языках, см., например, *Вильнюс, город в Европе*. Санкт-Петербург, Издательство Ивана Лимбаха, 2012.

¹⁵ Первая часть - *Час волка* - была опубликована в 2013 г. и получила титул лучшей книгой года, вторая – *День чумы*, вышла в свет в 2015 г., и тоже претендует на это почетное звание.

¹⁶ В Институте Истории Литвы проводится исследовательская программа с целью написать новый синтез истории Вильнюса.

наследие уже больше не кажутся чем-то угрожающим их идентичности или посягающим на святое право владеть этим городом, как чувствовали после войны сюда перебравшиеся их деды и родители. Но постепенно меняющееся ментальность горожан отнюдь не означает, что облако мифологизации Вильнюса стало растворяться, скорее наоборот – вышеупомянута «новая волна» интереса к Вильнюсу в художественной литературе лишь способствуют укреплению и продолжению этой традиции.

В чем кроится причина устойчивости и силы мифологического мышления¹⁷ по отношению к этому городу? В данной статье я попытаюсь отследить основные мифологические сюжеты повествования о городе, особенно обращая внимание на то, каким образом они отражались/отражаются на культуре и политике воспоминания прошлого, проводимой в литовской столице разными политическими режимами и идеологиями, начиная с времен его основания до сегодняшнего дня. Теоретической основой моего исследования является довольно свободная интерпретации классификаций мифов нациястроения, предложенных Р. Жирарде, Ф. Фуреди, а также Дж. Хоскингом и Дж. Шофлиным и пр. авторами¹⁸ в соотношении с теориями визуальной семиотики и культурной памяти, о чем приходилось несколько писать раньше¹⁹. Моими основными историчниками будут как знаки культурной памяти, запечатленные в пространстве города (расположение городских структур, памятники, мемориальные доски, урбанонимика и пр.), так и литературные образы (путеводители по городу и т.д.). Делаю предположение, что хотя не исключено, что разные социальные агенты, предпринимающие активные шаги для создания/укрепления собственной версии городского повествования и идеологически насыщенного его публичного пространства, могут прежде всего иметь совершенно прагматические и краткосрочные

17 Как известно, всеобщие разделяемые образы прошлого, как и мифологизированные интерпретации истории нации являются одними из важнейших символических ресурсов национализма. См. подробнее: McCrone D., *The Sociology of Nationalism*. London and New York: Routledge, 1998, p. 44.

18 Girardet R., *Mythes et mythologies politiques*. Paris, Editions du Seuil, 1986; *Myths and nationhood* (ed. by G. Hosking, G. Schopflin), London, Routledge, 1997; Furedi F., *Mythical Past, Elusive Future: History and Society in an Anxious Age*. Pluto Press, 1991.

19 Чепайтене Р., Місто як ідеологічний текст: теоретичні й інтерпретаційні аспекти. *Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник*. – Випуск 15. Спеціальне видання: Проблеми історичної урбаністики / За редакції Володимира Кравченка та Гелінади Грінченко. – Харків: ТОВ «НТМТ», 2011, с. 11-30; Čepaitienė R., Memory politics in a multiethnic city: the case of Vilnius. *Plural. History, Culture, Society. Year book of the History Department, "Ion Creangă" Pedagogical State University Chişinău*, 2013, vol. 1, no. 1-2, p.p. 164-179; Nikžentaitis A., Čepaitienė R., Über die Brüchigkeit homogener Erinnerungskultur: Der Fall Litauen. *Denkmäler demokratischer Umbrüche nach 1945* (Hg. Hans-Joachim Veen / Wolkhard Knigge). Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2014, S. 115-130.

мотивы и цели, они тоже вынуждены поддаться всепронизывающей логике городского мифотворчества.

Городские мифы: попытка деконструкции

Миф о начале

Как известно, визуальный облик города содержит в себе то, что сейчас принято называть идентичностью места (*place identity*)²⁰, т.е. многообразной и многозначной системой символов и знаков, закодировавшей в своем материальном и духовном облике изменения мировоззрения создавшего и создающего его общества. В урбанистической структуре старой части Вильнюса исследователи давно заметили некоторые морфопогические особенности, позволяющие идентифицировать в ней закодированную систему смыслов, основой которой является сакральная топография, своими корнями уходящая к временам появления легенды об основании города.

Каждый ребенок знает эту историю: уставший после охоты на таура в окрестностях долины Швентарагис, там, где река Вильня впадает в Вилию/Нерис²¹, великий князь Гедиминас (около 1275-1341) засыпает и видит сон - на горе громко воющего железного волка. Сон этот на князя производит сильное впечатление и он просит верховного жреца растолковать это видение. Языческий священник Лиздейка считает сон несомненно пророческим и объясняет его как весть о том, что тут надо обосновать город, который позднее прославится на весь мир, как громкий вой волка²². Как известно, князь послушался жреца и велел на горе начать строительство Верхнего замка, а под горой обособовал город.

20 Gospodini A., European cities and place-identity. *Discussion Paper Series*, 2002, nr. 8, p. 19-36.

21 Очевидно городу название дала небольшая река Вильня, ныне литовцами ласково называемая Вильнеле (от лит. *vilnia, vilnis* – волна). Источники, написанные на латыни или других европейских языках, как и старые карты, чаще всего употребляют это название города, которое по сей день сохранили и белоруссы. Сами же литовцы уже в XVI в. начали использовать мужскую форму названия – *Вильнюс*. Кстати, в старонемецких источниках иногда город называется *Wilda*, наверное, с аллюзией на его существование на грани цивилизованного мира с «дикарями». Другая через город проходящая и более крупная река в славянских землях, от куда берет начало, носит название Вилия (Вилья), а у балтов называлась Нерис. Такое «двойное» название реки, по мнению археолога Викинтаса Вайткавичуса, - довольно редкое явление. Vaitkevičius Vykintas, *Vilija-Neris: vardo istorijos vingiai* [Вилия-Нерис: извилины истории имени]. *Lituanistica*, 2005, nr. 6, pp. 10-16.

22 Тут надо обратить внимание на напрямую непередаваемые лингвистические коннотации – *прославиться* (лит. *išgarsėti*) происходит от слов *garsas* (звук, громкий голос) и *garsus* (громкий, известный).

В Вильюсе всего было трое замков – самый древний Кривой (несохранившееся), Верхний и Нижний. Комплекс Вильнюсских замков после раздела в 1795 г. Речипосполитой обоих народов Пруссией, Австрией и Российской империей был частично разрушен. Уничтоженные его части воссоздавались в основном в советское (Арсенал, приспособленный под Музеем Прикладного искусства) и особенно в постсоветское время (Дворец государей Нижнего замка, тоже ставший музеем, и некоторые другие здания). Кстати, с недавнего времени строится планы и на полное воссоздание Верхнего замка. Наверное, для этого, как и в целях укрепления самого кургана, Замковая гора (или популярно – гора Гедиминаса) уже была оголена, вырубив все деревья (**фото 2**). Справедливости ради надо заметить, что идея полного воссоздания замкового комплекса, как и в 2000 году начатое «воссоздание образа» Дворца государей, вызывает довольно противоречивые суждения как в среде специалистов, так и в общественности.

Фото 2. Вид Верхнего замка с другой стороны реки Нерис (автор фото Р. Чепайтене)

В рассказе о воюющем Железном волке есть несколько интересных моментов. Хотя существующие археологические раскопки указывают на то, что поселения на территории города в действительности намного древнее 1323 года, когда в письмах князя Гедиминаса, адресованных европейским правителям и городам, впервые было

упомянуто имя столицы его государства - Вильня, но ему действительно можно отдать дань чести основателя города. Археологическая датировка уже давно подтвердила строительства Верхнего замка в эпоху его правления (1316-1341 г.г.). Более того, новейшее обобщение в городе проводимых многочисленных раскопок, синтезирующее полученные разнородные данные – книга руководителя отдела городских исследований при Институте Истории Литвы Гедиминаса Вайткавичуса «Основание Вильнюса» (2010 г.) – относительно формирования центральной части городской структуры убедительно доказывает присутствие сознательной и целенаправленной политической воли. Именно князь Гедиминас перенес из Тракай столицу сюда и придал уже существующему поселению столичный статус создав подобающие для этого институты²³. Специалисты предполагают, что акт «творения столицы» князем, не только как центра политической, но и религиозной жизни, был предпринят потребностью переноса и воссоздания в долине Швентарагис (где раньше хоронили великих литовских князей, ныне – Кафедральная площадь) крестonosцами в других местах уничтоженных основных языческих святилищ. Даже после крещения Литвы в 1387 г. долина сохранит свою сакральную функцию, построив тут католический Кафедральный храм (в последствии несколько раз реконструирован, нынешний вид – облачение здания в стиль классицизма самым известным литовским архитектором Лауринасом Гуцевичусом в 1753-1798 г.).

Следы древнейшего - языческого - периода города сегодня видимы не только в каменной структуре предполагаемого святилища, сохранившегося в подвалах Кафедрального храма²⁴, но и рядом с Кафедрой и Замковой горой расположенного леса (не могу вспомнить другую европейскую столицу, в самом сердце которой, там, где концентрированы основные объекты политической и духовной власти, была бы пуща).

Хотя сам Гедиминас (не тот, что князь, а тот, что археолог) и скептически относится к попытке деконструкции мифа о Железном волке²⁵, еще раньше предложенной известным религиоведом Гинтарасом Береснявичусом, узревшим в этом повествовании универсальные архетипические следы древних религиозных практик, когда, перед принятием кардинально важного решения, герой уединяется в особое место

23 Vaitkevičius G., *Vilniaus įkūrimas [Образование Вильнюса]*. Vilnius, LNM, 2010.

24 Kitkauskas N., *Vilniaus pilys. Statyba ir architektūra [Вильнюсские замки. Строительство и архитектура]*. Vilnius, Mokslas, 1989, p. 91-114.

25 Об этом он упоминал как в самой книге, так и при разговоре с автором этих строк.

и обращается к священной сфере, и через сон или мистическое прозрение получает нужный ему ответ²⁶, можно сказать, что мифологическая и археологическая интерпретации момента и причины основания столицы скорее существенно дополняют, нежели противоречат друг другу.

Фото 3. Кафедральный собор (с лева), памятник князю Гедиминасу (по середине) и воссозданный Дворец Государей (с права) (автор фото Р. Чепайтене)

Очевидно, миф об основании города, территориальная и культурная принадлежность которого в течении истории так часто оспаривалась, по сей день сохраняет немаловажное политическое значение. Он подтверждает именно литовское происхождение Вильнюса, несмотря на то, что уже в эпоху Гедиминаса тут проживали общины, принадлежащие разным этническим и конфессиональным группам, что ярко отразилось в эго урбанистической структуре и урбанонимике, которые сохранились до сих пор и разделяет старый город на языческую, католическую и православную части (*civitas Ruthenica*). Неверное, не случайно, что памятник князю Гедиминасу и Железному волку (скульпторы Витаутас Кашуба и Миндаугас Шнипас, воздвигнут в 1996 г. на Кафедральной площади) появился в городе одним из первых после развала

²⁶ Beresnevičius G., Gediminas ir Lizdeika. *Miestelėnai. Tauros almanachas*, 1991, p. 85-92.

СССР и воссоздания независимого литовского государства (**фото 3**). Хотя в советский период, по случаю празднования юбилея 650-его города в 1973 г. городские власти собирались построить памятник князю, но, предположительно из за идеологических соображений, от этой мысли вынужденны были отказаться²⁷, довольствуясь лишь на этом месте открытием меморального камня с высеченными датами юбилея.

Фото 4. Железный волк на памятнике князю Гедиминасу (автор фото Р. Чепайтене)

Если поискать тотем города (его гений в древнем понимании), то Железный волк несомненно становится первым претендентом на это место, конкурируя лишь с святым Кристофором – христианским патроном города. Вообще, мотив волка, по мнению русского мифолога Владимира Топорова, тесно связан с Вильнюсом и его окрестностями. Немало хидронимом и топонимом восточной части Литвы носят это название²⁸. Интересно также, что в русских летописях один из предков Гедиминаса упоминается под именем (прозвищем?) Волк, так, что это мог бы быть и тотем его княжеского рода. Сегодня именем Железного волка названа одна из главных столичных транспортных артерий, механизированная пешеходная бригада, клуб регби,

27 Главный проспект столицы получил его имя лишь в 1939 г., возвратив город Литве, и после распада СССР. В советское время Кафедральная площадь носила имя Гедиминаса, а проспект, проложен в царский период, изначально носил имя Георгиевского проспекта, в польский период был наименован улицей Адама Мицкевича, а в советское время назывался проспектом имени Сталина, позднее, - Ленина).

28 Топоров В., *Baltų mitologijos ir ritualo tyrimai [Исследования в области балтийской мифологии и ритуала]*. Vilnius: Aidai, 2000.

Вильнюсская хоккейная школа, военные футбольный и баскетбольный клубы и пр. Он встречает приезжающих на Вильнюсском железнодорожном вокзале и на автобусной станции (фото 4).

Мифы об освобождении и единении

Поскольку эти два мифа в случае Вильнюса перекликаются, проанализируем их вместе. После передела Речипосполитой и отхода к Российской империи бóльшей части ВКЛ, в последствии превращенной в Северно-западный край, политическо-административный статус и социальноэкономическая роль Вильнюса, особенно после подавления восстания 1832 г., когда был закрыт Вильнюсский университет, резко уменьшилась. Началось сознательное и планомерное изменение публичного пространства города, атрибуты прежнего государственного и столичного статуса которого должны были быть стерты (как Дворец Государей, руины которого были снесены в 1801 г.) или хотя бы скрыты. Царские идеологи, пытаясь доказать историческое право России на эти территории, искали «русских начал» местной культуры. Для попечителя Виленского учебного округа (1864–1868) И. П. Корнилова Литва – «древне-православная русско-литовская земля», поскольку Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское трактовалось как Литовская Русь, западнорусское государство²⁹. Из формулы «русской Вильны» вытекало понимание Вильнюса как столицы литовско-русской державы и древнего центра православия, «православно-русской Вильной». В романе Н. В. Кукольника *Альф и Альдона* показано, как один из героев участвует в легендарном основании Вильнюса. Киевлянин и православный, он возводит для себя «хоромы», а «по соседству для отца Герантия церковь с домом». Таким образом, присутствие русского православного начала в городе относится аж к эпохе его возникновения. По роману, во времена Ольгерда (Альгирдаса) в городе

²⁹ Корнилов И. П., *Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем*. Сборник статей (Посмертное издание), С.-Петербург: Тип. А. П. Лопухина, 1902, с. 431, 441. Инерция таких представлений сохранялась и в межвоенное двадцатилетие, о чем свидетельствует, например, название книги И. И. Лаппо *Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом* (Прага, 1924). В 1867 г. же вышла книга В. С. Ратча *Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной Росии*. Из ее вводной части «Северо-Западная Россия до падения Речи Посполитой» следует, что «русские обычаи, русский язык, русские законы» привили «полудикому дотолем племени стихии русской жизни», православие распространялось мирно, «без всяких насилий», и не случайно новая столица Литвы поднялась «под русским влиянием и при распространении Православия, на рубеже русского племени».

насчитывается свыше дюжины православных церквей; они доминируют в панораме³⁰. Характерен ход аргументации этого, как и других российских литераторов: здания церквей свидетельствуют об «исконности» в Вильнюсе православия, отождествляемого с «русскими началами» и русским населением. Например, в конце 1863 г., после разгрома второго восстания Вильнюс посетил церковный писатель А. Н. Муравьев, младший брат тогдашнего генерал-губернатора. Результатом этого посещения города стала книга Н. Муравьева «Русская Вильна», где «красноречиво описаны все памятники древнего православия в этом городе»³¹. Таким образом «соответствующая доктрине о «русско-литовском» государстве историографическая схема рисовала первоначальное благодатное состояние расцвета православия и доминирования «русского элемента», сменившегося засильем католицизма и господством поляков. Свою задачу администрация в Северо-западном крае видела в том, чтобы найти аргументы в пользу такой схемы и восстановить историческую справедливость, т. е. вернуть стране и ее столице утраченный было русский характер» - пишет исследователь русской культуры в Литве славист Павел Лавринец³². Проводниками этих идей для широкой публики часто становились путеводители по городу³³.

Как известно, обрусение³⁴ как самого края, так и его административного центра³⁵, стало особенно интенсивным после подавления восстания 1863 г. На стыке XIX-XX в.в.

³⁰ Н. Кукольник, *Альф и Альдона. Исторический роман в четырех томах*, Санкт-Петербург: Тип. И. Глазунова и К^о, 1842, т. I.

³¹ [А. Н. Муравьев], *Русская Вильна. Приложение к «Путешествию по Св. местам Русским»*, Санкт-Петербург: Тип. Второго Отдел. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1864, с. 3, 24.

³² Лавринец П. М., «Русская Вильна». <http://zapadrus.su/zaprus/strbel/12-q-q.html>

³³ Наверное, самый известный из них - путеводитель Виноградова: А. А. Виноградов. *Путеводитель по городу Вильнь и его окрестностям*. В 2 х частях, Вильна, типография Штаба Виленского военного Округа, 1904. Подробнее см. Лавринец П. М., Русские путеводители по Вильнюсу XIX-XX вв.: принципы композиции и отбора объектов. *Путеводитель как семиотический объект (Humaniora: Litterae Russicae)*, Tartu, 2009, с. 219-239; Лавринец П. М., Выбор объектов в путеводителях по Вильнюсу XIX-XX вв. *Kalbotyra, Slavistica Vilnensis*, 2009, no. 54, с. 259-265.

³⁴ Современные исследователи считают, что традиционная концепция руссификации как попытки Российской империи ассимилировать нерусские этносы должна быть подвергнута переосмыслению. Вместо этого они предлагают концепт руссификации, т.е. стремления к доминированию на местах русской культуры, языка и институций, поскольку царская национальная политика была намного больше нюансирована и часто играла на противоречиях и взаимной конкуренции местных национализмов. О разных историографических позициях в данном вопросе см: Staliūnas D., *Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus After 1863*. Amsterdam – New York, Rodopi, 2007.

в центре Вильнюса появилось несколько памятников, отражающих политическую и военную мощь империи и лояльность местных чиновников. В 1898 г. на площади Дворцовой (ныне пл. С. Даукантаса) рядом с дворцом Генерал-губернатуры (ныне – Дворец Президента Литовской Республики) был построен монумент генералгубернатору края графу М. Муравьеву (скульптор Матвей Чижов), который жестоко подавил восстание и этим заслужил в народе титул Вешальщика³⁶, а в 1904 г. на Кафедральной площади был открыт памятник императрице Екатерине II (скульптор Марк Антокольский). Выбранные для воздвижения этих памятников места и их ориентация на восток, предположительно, не были случайными. Таким образом городские власти попытались придать им черты ритуальной композиции³⁷. Они, как и часовня, построенная в память во время подавления восстания погибшим русским войнам, воздвигнута на одной из площадей, рядом с в то время проложенным Георгиевским проспектом, стали первыми публичными монументами в городе и служили знаком победы царизма над Речипосполитой, как и превосходства русской культуры, что символизировал и к юбилею поэта, у подножья Замковой горы, в 1900 г. открытый бюст Александра Пушкина. Кстати, связи поэта с Вильнюсом были не такими уж косвенными – существует придание, что в церкви св. Параскевы Пятницей, по указанию царя Петра I-ого был крещен его прадед Ганнибал (об этом событии сегодня напоминает по инициативе местной русской общины на территории церкви открытый памятник), там-же венчался и его сын Георгий Александрович, который последние годы жизни провел в родовом имении жены в Маркучяй под Вильнюсом. Туда, между прочем, бюст поэта был перенесен в постсоветское время и находится по сей день(фото 5).

35 Более подробно об этих процессах писал Дарюс Сталюнас: Staliūnas D., An Awkward City: Vilnius as a Regional centre in Russian nationality policy (ca 1860–1914). *Russia and Eastern Europe: applied "imperiology"* (ed. by A. Nowak), Warszawa: Instytut Historii PAN, 2006, p. 222-243.

36 Weeks Th. R., Monuments and Memory: Immortalizing Count M.N. Muraviev in Vilna, 1898. *Nationalities papers*, 1999, vol. 27, no. 4, pp. 551-564.

37 Novickas A., Skulptūriniai monumentai Vilniaus mieste aikštėse XIX a. ir XX a. sandūroje [Скульптурные монументы на площадях города Вильнюса на стыке XIX-XX в.в.]. *Urbanistika ir architektūra*, 2000, t. XXIV, nr. 1, p. 14–16.

**Фото 5. Бюст А. Пушкина в парке именной усадьбы в предместье Маркучяй
(автор фото Р. Чепайтене)**

С царских времен сохранился любопытный рассказ, свидетельствующий изобретательность горожан в завязании символической коммуникации с властями – однажды ночью постамент памятника Муравьеву был неизвестными намазан волчьим жиром и собравшееся стаи бездомных собак лаяли на него... Этот монумент, как и памятник Екатерине, был снесен во время Первой мировой войны (сохранилась фото, на которой изображено, как памятник поднимается при помощи Вешальщику на шею завязанной петли...).

Столица Великого княжества литовского по сути всегда была многокультурным и многоконфессиональным городом³⁸. Но в конце XIX столетия в регионе возникшее национализмы восприняли эту его особенность не как общее богатство, а скорей как проблему, требовавшую быстрого решения. Для народов, претендовавших на политическое наследие Речипосполитой обоих народов, во время Первой мировой войны и распада империй появился реальный шанс попытаться решить этот вопрос в свою пользу. За краткий период 1915-1920 г. город несколько раз шел из рук в руки, им

38 Bumblauskas A., *The Heritage of the Grand Duchy of Lithuania: Perspectives of Historical Consciousness. The Peoples of the Grand Duchy of Lithuania* (ed. by G. Potašenko). Vilnius, Aidai, 2002, p. 7-44.

завладевали то немцы, то создавшие тут своеобразную реинкарнацию ВКЛ – Литбел³⁹ - большевики, то литовцы, то поляки...

В Вильнюсе созданный Совет Литвы 16-ого февраля 1918 г. подписал Акт о воссоздании⁴⁰ независимой Литовской Республики со столицей в Вильнюсе (фото 6).

Фото 6. Здание на улице Пилес 26, где 16-ого февраля 1918 г. был подписан Акт о Независимости Литвы, ныне – Дом Сигнатаров (автор фото Р. Чепайтене)

Несмотря на то, что скоро под руководством генерала Л. Желиговского (как и маршал Ю. Пилсудский, уроженца земель бывшего ВКЛ) город займет полские войска, а только-что созданное литовское правительство будет вынуждено переселяться в Каунас, ставший временной столицей Литвы, литовцы никогда не откажутся от

39 Литбел - Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика – большевиками созданное государство, просуществовавшее с февраля по август 1919 г. в Белоруссии и на части территории Литвы, занятых Красной армией, со столицей в Вильнюсе. Руководителями эго были Казимеж Циховский и Винцас Мицкявичюс-Капсукас.

40 В среде литовских историков по сей день идут споры по поводу числа литовских республик (две или три?) и юридической и политической приемственности межвоенной Литовской республики от ВКЛ. Большинство поддерживают мнение, что между этими двумя гособразованиями мало чего общего и что межвоенная Литва была таким же новым государством, как в то же время созданные Латвия и Эстония. Кстати, в межвоенной (возвращенной после 1990 г.) национальной символике отражены оба периода: средневековый герб Витис (Погоня) и межвоенный республиканский триколор.

претензий на свою историческую столицу. Именно эти претензии позволяли связать национальную идентичность и государственную традицию с временами героического «золотого века» средневековья - «эпохи князей». С Польшей дипломатические отношения так и не будут завязаны⁴¹, а карту межвоенной Литовской Республики всегда будут рисовать вместе с оккупированными территориями⁴². В стране массовым станет участие в *Обществе по освобождению Вильнюса*, о нем будут петься песни, потерянная столица изображаться на памятниках независимости и пр.⁴³ ...

Тем временем Вильнюс, как и Гродно и Львов, стал частью так называемых *Kresy Wschodnie* - присоединенных к Польше восточных территорий бывшего ВКЛ (тому же Пилсудскому, род которого берет начало в западной части Литвы, в местности Пилсудай, а сам он родился в местечке Залавас под Вильнюсом, принадлежит изречение, что Польша скорее похожа на бублик – самое хорошее у нее находится по краям, а в середине – пусто...). По отношению к «кресам», после короткого периода некоторых колебаний между Пилсудским отстаиваемой федеративной концепцией, учитывающей местные особенности «литвинской» идентичности и представляемой Романом Дмовским унитарной, этнолингвистической моделью польского национализма⁴⁴, победила последняя. За межвоенный период польское государство сделало не мало, чтобы ассимилировать нацменьшинства, иногда прибегая к открытому ущемлению их гражданских прав.

В символическом ландшафте Вильнюса, бывшего тогда шестым по величине городе Польши, центра воеводства, были начаты изменения, ориентированные на интеграцию его в пространство великого польского национального нарратива. Но характерно, что попытки заполнить публичные места города новыми памятниками и

41 Они будут завязаны лишь в 1938 г., после Польшей предъявленного ультиматума.

42 Подробнее о корнях и развитии польско-литовского конфликта и отношения обоих государств друг к другу см. довольно объективное исследование польского историка Кшиштофа Буховского: Buchowski K., *Litwomani i polonizatorzy. Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polsko-litewskich w pierwszej połowie XX wieku*. Białystok 2006.

43 Mačiulis D., Vilniaus vaizdinys Vilnių vaduojančioje Lietuvoje [Образ Вильнюса в Вильнюс освобождающей Литве]. *Acta litteraria comparativa*, 2009, vol. 4, p. 80-97.

44 О восточной политике польского правительства тогдашних лет см. Nowak A., Reborn Poland or reconstructed empire? Questions on the course and results of Polish eastern policy (1918-1921). *Lithuanian historical studies*, 2008, no. 13, p. 127-150.

другими идеологически насыщенными знаками не увенчались большим успехом⁴⁵. Например, так и не удалось осуществить проект памятника поэту Адаму Мицкевичу, хотя конкурс на реализацию его художественного облика проводился не раз, но на в его честь переименованом главном проспекте города сумели поставить лишь временный памятник⁴⁶. Самым известным и имевшим общепольское значение событием межвоенного Вильнюсса можно считать в 1935 г., рядом с знаменитым Вильнюсским кладбищем Россы, где покоятся и больше членов семьи маршала, созданный мемориал сердца Пилсудского и могилы его матери. Мемориал по сей день является обязательной точкой полоничества польских туристов (**фото 7**).

Фото 7. Мемориал польских воинов и могила сердца Маршала на кладбище Россы (автор фото Р. Чепайтене)

Можно заключить, что в межвоенной культуре воспоминания города преобладали попытки увековечивания памяти личностей местного, «литвинского» происхождения

45 Ilgievič H., Lenkų visuomenės pastangos įamžinti Vilniuje iškilų asmenybių atminimą XIX a. pabaigoje – XX a. pradžioje [Старания польской общественности увековечить память известных личностей в Вильнюсе в конце XIX–ого-начале XX в.в.]. *Kultūrologija*, 2010, t. 18, p. 242-257.

46 *Vilniaus paminklai. Kaitos istorija. Vilnius Monuments. A Story of Change* (sud. E. Mikalajūnė, R. Antanavičiūtė), Vilnius, 2012.

(Мицкевич, Пилсудский, композитор С. Монюшко и пр.⁴⁷), которые, однако, были вполне интегрированы в общенациональный мастер-нарратив Польши.

Идеологическая подоплека доказательства «польскости» Вильнюса нашла выражение в тогдашних путеводителях по городу. Среди них особенной популярностью отличился в 1921 г. – «в первый год освобождения Вильнюса» – переизданный путеводитель «виленского архивариуса» Вацлава Гизберта-Студницкого, предназначенный для повышения интереса к этому городу – резиденции Ягеллонов – в Польше и за рубежом. В нем город представляется как польские «Новые Афины»⁴⁸. Как и другие межвоенные авторы, подчеркивавшие польские (или русинские) корни города, он утверждает, что самые светлые времена городской жизни – «золотой век» королей Сигизмунтов в XVI – начале XVII в.в. Более того, Вильнюс так дорог сердцу каждого поляка, потому-что тут «народ много страдал за Польшу»⁴⁹. Тем временем в Литве, хотя и не было издано отдельного путеводителя по (тогда литовцам физически недоступной) исторической столице, но в путешественикам посвященных справочниках она не раз упоминается не только под риторикой обиды и возмущения, но и с неугасаемой надеждой на возвращение столицы⁵⁰.

После поражения и передела Польши между СССР и нацистской Германией, 10-ого октября 1939 г. СССР возвратил Литве Вильнюс и Вильнюсский край⁵¹. Но вновь приобретенная столица скорым временем станет своеобразным «Троевым конем», при помощи которого Советский союз введет на территорию Литвы свои войска. В народе эти события были выражены в виде известного слогана *Vilnius mūsų, o mes rusų*

47 Его бюст, открытый в 1922 г. и сегодня находящийся в скверике костела св. Катерины, является самым старым сохранившимся публичным памятником города.

⁴⁸. *Przewodnik W. Studnickiego. Prof J. Klos: Rozwój architektury Wilna, wydanie drugie*. Wilno, 1921.

⁴⁹ Там же, с. 8.

⁵⁰ Например, в путеводителе *Осмотрите Литву*, который написал известный журналист и путешественник Матас Шальчюс, есть слова: «нету силы, способной вырвать из литовских земель Вильнюс. Острая брама, могилы князя Витаутаса и Басанавичюса, каждое старинное здание, созданное лучшими сыновьями Литвы, делает и всегда будет делать Вильнюс сердцем Литвы, вечным литовским городом» (р. 37).

51 Проблема, почему Сталин в этом вопросе оказался более благосклонным Литве, а не Белоруссии, пока мало исследована, за исключением некоторых историографических попыток, см., подробнее: Weeks Th. R., A Multiethnic city in Transition: Vilnius's Stormy Decade, 1939-1949. *Eurasian Geography and Economics* 47(2), 2006 March-April, pp. 153-175. Вообще 1939 год стал для Литвы роковым, см. подробнее Liekis Š., *1939. Year that changed everything in Lithuania's History*. Amsterdam-New York, Rodopi, 2010.

(*Вильнюс - наш, а мы стали принадлежать русским*). А через год, 15-ого июня 1940 г., последует и первая советская оккупация, протянувшееся до 22-ого июня 1941 г., когда республику захватили нацистские войска.

13-ого июля 1944 г. советские войска опять заняли город, после чего возобновилась во время первой советской оккупации начатая советизация публичного пространства Вильнюса и других литовских городов на сталинский манер, похожая на ранее проводимую в столицах союзных республик⁵². Советской визуальной пропаганде была присуща стратегия идеологической синхронизации⁵³, которая, в обиход локальным различиям, везде внедряла единый идеологический нарратив коммунизма. При этом использовались такие сюжеты как Ленин, Сталин, Октябрьская революция, Победа над фашизмом, руководящая роль КП и пр.⁵⁴ По этому в советское время в публичном пространстве города, особенно репрезентативном, стремились создавать моноперспективные, одномерные, ценностно единые «узлы символов», которые передавали бы несложные, ясные, однозначные сообщения, получаемые с помощью различных хорошо продуманных визуальных, эстетических, технических, дискурсивных и других средств. Для этого чаще всего использовался комплекс объектов и топонимов – визуальный акцент (памятник), названия улиц, функция зданий властных структур, опоясывающих площадь и т.д. Такая стратегия *коммуникативной гомогенизации* характерна не только советскому, но и всем режимам, стремящимся создать единый и подробный «большой идеологический нарратив».

После войны драматически изменилась демографическая составная жителей Вильнюса: одна из крупнейших в городе - еврейская община - была почти полностью уничтожена во время Холокоста, а немалую долю поляков советская власть вынудила репатриировать⁵⁵. Следы культурной жизни этих сообществ сознательно уничтожались

52 Сравнительный анализ их архитектурных и урбанистических изменений см. Šerapaitienė R. In the shadow of Moscow: the stalinist reconstruction of the capitals of the soviet republics. *Journal of Architecture and Urbanism*, 2015, vol. 39, nr. 1, pp. 3-16.

53 Милерюс Н., Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах. *P.S. ландшафты: оптики городских исследований*. Вильнюс, ЕГУ, 2008, с. 37-62.

54 Подробнее см. Gill G., *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge University Press, 2011.

55 Stravinskienė V., Lenkų demografiniai pokyčiai Lietuvoje 1947-1959 metais [Демографические изменения поляков в Литве в 1947-1959 г.г.]. *Lituanistica*, 2006, t. 66, nr. 2, p. 20–33. По исследованиям автора были две волны (вынужденной) репатриации польского населения из ЛитССР в Польшу – в 1944-1947 г. и в

или затушевывались. Из-за плохих жилищных условий литовцы изначально тоже перебирались в излюбленную столицу с неохотой, по-этому пустующие рабочие места начали занимать иммигранты из России, Украины, Белоруссии. Но со временем положение менялось и доля литовского населения постепенно начала существенно расти, тем самым укрепляя и литовскую идентичность города⁵⁶. В этом особую роль сыграл Вильнюсский университет, на литуанизацию которого благосклонно смотрело и партийное руководство республики, что со временем способствовало образованию солидного слоя литовской интеллигенции и культуры⁵⁷. Также существенно поменялся и визуальный облик города. Вильнюс, в старой части которого преобладали атрибуты сакрального ландшафта разных религий, подвергся даже двум волнам десакрализации. 1948 г. стал эпогеем «первой волны» принудительной атеизации - было закрыто большинство молитвенных домов различных конфессий, также уничтожались публичные знаки религиозного характера, как один из символов города – Три кресты и пр., а во время хрущевской борьбы за атеизацию в начале 60-тых были уничтожены Вильнюсские калварии (Крестный путь) и много статуй нерелигиозного характера.

Говоря о формах соотношения мифа о единении с советским мастер-нарративом, то о нем больше всего можно судить по попыткам ставить акцент на тех событиях и личностях, которые могли (хоть иллюзорно) связать город с «центральными фигурами» советской идеологии. Личность Ленина тут, например, была привлечена не только в качестве обычного доктринального штампа советской визуальной пропаганды, но и как якобы имевшая прямую связь с Вильнюсом. На здании железнодорожной станции в 1955 г. была открыта мемориальная доска, напоминающая о его (скорее всего мнимой) встрече с местными марксистами в 1895 г. Также подчеркивалось его персональное знакомство с лидером местного коммунистического движения, одним из руководителей Литбела В. Мицкевичюсом-Капсукасом: памятник „В. Ленин и Капсукас в Поронине“ был воздвигнут в 1979 г., рядом с новыми корпусами Вильнюсского университета,

1956-1959 г. Всего эмигрировало свыше 200 тысяч поляков, включая немалую долю интеллигенции и молодежи. Репатриация позволила ослабить польский национализм в регионе и, соответственно, укрепить позиции литовцев в Вильнюсе.

⁵⁶ Davoliūtė V., *The Making and Breaking of Soviet Lithuania: Memory and Modernity in the Wake of War*. London and New York: Routledge, 2013.

⁵⁷ Подробнее о роли Вильнюсского университета в литуанизации города см.: Snyder T., *The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus in 1569-1999*. Yale university press, 2003, p. 93-95.

носившего тогда имя этого литовского коммуниста⁵⁸, тем демонстрируя органическую связь попыток создания советской власти в Литве в 1918-1919 г.г. с «центральными фигурами и событиями» в Петрограде. Символ режима – копия памятника Н. Томского вождем пролетариата⁵⁹ - в 1953 г. также появилась на площади Ленина (Лукишкес), ставшей главным идеологически насыщенным публичным пространством республики, предназначенным стать идеологическим противовесом Кафедральной площади. Там проводились все официальные мероприятия, парады и празднества⁶⁰.

Такой, менее натянутой, «связью с Центром» стала и персона Фелиха Дзержинского, действительно в юности жившего в Вильнюсе: тут революционер удостоился музея в доме, принадлежавшем его бабушке, также памятника и аж двух меморальных досок.

Как и в других случаях «на местах» создаваемой советской версии национальной истории союзных республик, в Литве тоже были востребованы исторические прецеденты и доказательства якобы органического и натурального склонения литовского народа к идеям социализма. Таким прецедентом прежде всего стал эпизод Литбела, который в действительности просуществовал очень короткий срок – несколько месяцев 1919 г., но этого хватило, чтобы этот факт послужил бы основой для тезиса о «**восстановлении советской власти**» в Литве в 1940 г., т.е. явной попытке скрыть факт оккупации. Важно отметить, что на основе этого мифа, как и на широко пропагандой тиражируемых сюжетах о якобы жестоком преследовании литовских

58 В 1944 г., Вильнюсский университет, в межвоенный период называемым Университетом Стефана Батория, был назван в честь Винцаса Мицкевичюса-Капсукаса. Возвратил свое историческое имя в 1990 г. Имя Капсукаса также носил город, которому после 90-ых вернули историческое название Мариямполь.

59 Тем временем памятник И. Сталину стоял на Вокзальной площади и был снесен в 1961 г. в следствии кампании десталинизации. Подробнее об особенностях культа Сталина в Литве писала Регина Лаукайтите: Laukaitytė R., *Stalino asmens kulto adaptacija ir demontavimas Lietuvos SSR (1944-1961 m.)* [Адаптирование и демонтаж культа личности Сталина в Литовской ССР (1944-1961 г.)]. *Stalininis režimas Lietuvoje 1944-1953 m. [Сталинский режим в Литве в 1944-1953 г.г.]*, Vilnius, ЛП, 2014, p.153-178.

⁶⁰ Памятник демонтирован в 1991 г., но сталинская планировка площади до сих пор остается неизменной. Несмотря на то, что весь период независимости продолжаются активные дискуссии по поводу надобности и художественной формы нового идеологического знака и соответствующей новой функции площади Лукишкес, для чего проводился и не один архитектурно-художественный конкурс, с мертвой точки дело так и не сдвинулось. Думается, главная причина этому – не сколько нехватка политической воли, скорей неоднозначное отношение общественности к национальному нарративу, слажившемуся за период независимости. Имею в виду предложение поставить тут памятник Неизвестному (антисоветскому) партизану, которое выдвинул проф. В. Ландсбергис, которое общественством было неоднозначно встречено, помня о невылеченных травмах страшных послевоенных лет. О неоднозначном отношении литовского общества к советскому периоду см. Чепайтене Р., *Восприятие советской эпохи в современной Литве. Прошлый век I: Сб. науч. тр. (ред. кол.: Миллер А.И., гл. ред., и др.)*, Москва, РАН, ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. Науки, 2013, с. 241-276.

коммунистов-подпольщиков межвоенным авторитарным режимом, в глазах местного населения свою легитимацию будет строить и литовская советская номенклатура, представители которой не хотели в народе быть воспринятыми лишь как ставленники оккупационных сил, послушно исполняющие приказы своих хозяев взамен на небольшие привилегии и ограниченную власть⁶¹). Хотя практики увековечивания памяти представителей «национальной социалистической традиции», включая и литовских коммунистов, проживавших в довоенном СССР и погибших во время сталинских репрессий, как, например, командарм Иеронимас Уборевичюс или комкор Витаутас Путна, расстреленные в 1937 году по делу маршала М. Тухачевского), стали наиболее заметны в эпоху Л. Брежнева⁶², когда не только столица, но и любой городок necessitated без выдвижения собственного «местного героя» коммуниста или комсомольца, идеологическое обоснование для «изобретения этой традиции» складывалось именно в сталинский период (в этом отношении внимания сегодня заслуживает и мемориальный комплекс могил литовских номенклатурщиков на кладбище Антоколис – недооцененный визуальный источник для исследования их иерархии в системе клановых связей (фото 8)).

61 Характерно, что в постсоветское время в попытках новой легитимации бывших представителей советской номенклатуры ставится акцент на якобы тогда бывшей самостоятельной роли литовских коммунистов, исполнявших скорее функцию «буфера» между внешней чужой силой и местным населением, нежели бывшими «марионетками Чентра» - коллаборантами. Эту мысль наиболее четко в заголовке своих мемуаров сформулировал бывший первый секретарь компартии Литвы Альгирдас Бразаускас, в 1993 г. избранный первым президентом Независимой Литвы - «И тогда работали ради Литвы»... (Brazauskas A., *Ir tuomet dirbome Lietuvai: faktai, atsiminimai, komentarai*. Vilnius, 2007).

62 За период 1944-1990 г.г. в Вильнюсе было воздвигнуто около 20 мемориальных памятников, бюстов или скульптурных групп, посвященных лицам и событиям, напрямую или символически связанным с советским режимом и «великим идеологическим нарративом коммунизма» (памятники и мемориальные доски В. Ленину, Ф. Дзержинскому), представителям «местной социалистической традиции» (В. Мицкявичюсу-Капсукасу и другим создателям Литбела), первой советской оккупации (особенно литовским писателям, которые из Москвы в 1940 г. привезли «сталинское солнце» П. Цвирке, С. Нерис, Л. Гире) и «освобождению Литвы и ее столицы от фашистских захватчиков» (генералу И. Черняховскому, другим советским полководцам и солдатам Красной армии). Но, в основном, идеологический ландшафт города складывался скорее в хрущевское-брежневское время и, в отличие от Киева, и особенно, Минска, остался довольно скромным и фрагментарным. См. сравнительный анализ этих городов: Ластовский А., Балочкайте Р., Казакевич А., Память о Второй мировой войне в городском ландшафте Восточной Европы. http://www.geschichtswerkstatt-europa.org/media/projekte/total%20report_rus.pdf

Фото 8. Часть мемориала высшей литовской советской номенклатуры и первого секретаря ЛКП А. Снечкуса (наверху с права) на кладбище Антоколис (автор фото С. Кулявичюс)

В послевоенной политике памяти Вильнюса, прежде всего служившей целям легитимации центральных и местных властей, немаловажное значение придавалось также утверждению «мифа об освобождении» – увековечению памяти при боях за город погибших воинов советской армии, что увенчал монумент генералу Ивану Черняховскому, воздвигнут на одной из центральных площадей в 1952 г. (скульптор Н. Томский), также одна из скульптурных групп Зеленого моста (**фото 9**) и в 1982 г. реконструированный мемориал советским воинам на кладбище Антоколис (**фото 10**). Хотя авторы исследования, посвященного сравнительному анализу сюжета о великой Отечественной войне в идеологическом ландшафте Киева, Минска и Вильнюса, заметили, что в последнем случае он наименее выражен⁶³.

63 Там же.

Фото 9. Зеленый мост, скульптурная композиция «На страже мира», 1952 г., скульптор Б. Пундзюс (автор фото Р. Чепайтене)

Фото 10. Мемориал Советским войнам-освободителям на кладбище Антоколис (автор фото С. Кулявичюс)

После распада Советского Союза Вильнюс, как и другие столицы государств постсоветского пространства, был призван стать политическим центром вновь приобретенного суверенитета, как и символом утверждения национальной идентичности. Но, как показывает исторический опыт, несмотря на яркие тенденции национализма, проявившегося в Центрально-Восточной Европе сразу после распада соцлагеря, никакой город все-таки не может быть до конца «присвоен» одной нацией, особенно крупные города, имевшие значение для развития всего региона и постоянно наполненные разноэтничными жителями. Так что любому крупному городу приходится балансировать на грани национализма и космополитизма, особенно при увеличении потоков приезжего туризма⁶⁴.

На Вильнюс сегодня тоже можно смотреть с разных перспектив – с этнографической точки зрения, как на центр конкретного региона (Дзукии, Вильнюсского края?), находящегося в границах литовского государства⁶⁵, так и исторической, как на политический центр древнего государства ВКЛ, намного перешагнувшего территориальные границы современной Литовской Республики, делая акцент на многокультурное измерение хранящегося в нем наследия. А после получения независимости и особенно вступления Литвы в 2004 г. в ЕС и В НАТО можно говорить о Вильнюсе и в континентальной перспективе – как о своеобразном, но и о довольно типичном городе Центрально-Восточной Европы. Наконец, после 1994 г., когда исторический центр Вильнюса был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, проявляется его ценность как города не только регионального, но и мирового значения. Все эти уровни часто бывают переплетены, так что некоторые из них могут диссонировать между собой, затрудняя однозначное и дискурсивно единое восприятие этого города как столицы национального государства и вызывая конкуренцию за владение его публичным пространством. За последний период такая конкуренция ярче всего проявила себя в двух случаях – при уже ставшем традиционными шествии ультраправой молодежи по проспекту Гедиминаса во время празднования Дня возвращения независимости 11-ого марта и при попытках провести гейпарады. Оба случая каждый год вызывают горячие общественные споры о «традиционных ценностях», «границах гражданских свобод», «угрозах со стороны нео-фашистов», или,

64 Ashworth G. J., Tunbridge J. E., *The Tourist-Historic City*. Chichester, John Wiley and Sons, 1990, p. 29-30.

65 Этот вопрос до конца не ясен.

наоборот, «агрессивных сексменьшинств» и являются, наверное, неизбежным отражением дискурса и практик евроинтеграции и, соответственно, глобализации.

Тем временем публичное пространство города наполняется новыми символами. Концентрация знаков национального литовского исторического нарратива сегодня особенно очевидна в самом сердце столицы – на территории Верхнего и Нижнего замков. Для этого используется не только археологическое, архитектурное наследие, охраняемое *in situ* или в Национальном музее истории, но и заново созданные элементы: восстанавливаемый Дворец Государей Нижнего замка, памятники «основателю города» князю Гедиминасу и создателю литовского государства королю Миндаугасу⁶⁶, в 2003 г., при случае вступления Литвы в ЕС построенный мост имени короля Миндаугаса⁶⁷ и пр. Немало места отведено и сюжету «борьбы и страданий» литовского народа, от Музея геноцида (непутать с Музеем Холокоста!), до «Парка тишины», основанного на территории комплекса дворцовой усадьбы Тускуленай в память жертвам сталинских репрессий.

Тем самым в новом облике города прослеживаются и черты заочной конкуренции еще в советское время начатой его *литуанизации* (что особенно видно в центральной части столицы, на оси проспекта Гедиминаса, где четыре основных площади рассказывают историю литовского народа от его истоков в языческие времена до возврата независимости в 1990 г., (**фото 11**)), с *мультикультурализмом* - местами наследия и памяти других народов - по всему городу разбросанных взаимно не связанных памятников и мемориальных досок представителям разных этнических групп.

66 Связь единственного литовского короля (около 1200 - 1263) с Вильнюсом до сих пор достоверно не доказана. В источниках упоминается город Воруга, в котором он принял крещение и в 1253 г. короновался, но лишь часть исследователей идентифицируют это место с нынешней столицей.

67 Поскольку великий князь Миндаугас крестился и короновался по католическому обряду, его фигура была актуализирована в контексте евроинтеграции, т.е. как первого «западноориентированного» правителя литовского государства.

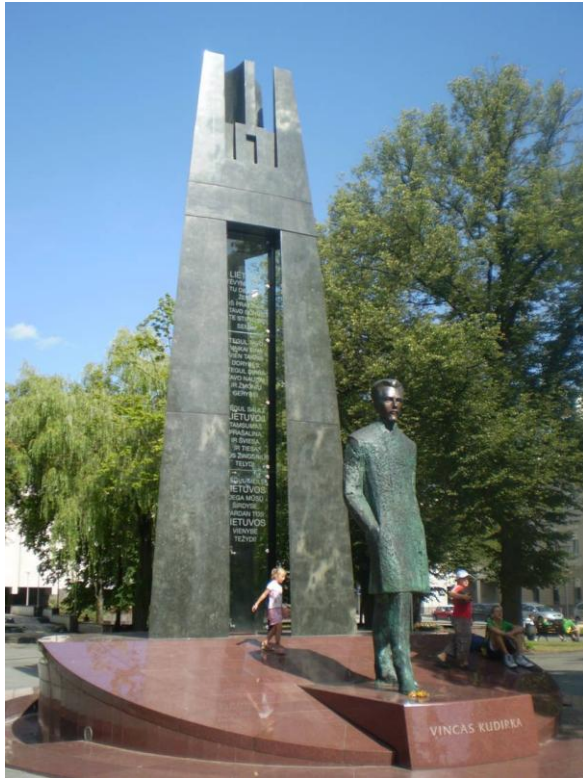

Фото 11. Памятник автору литовского гимна, одному из «отцов нации» Винцасу Кудирке на площади его имени по оси проспекта Гедиминаса, 2009 г., скульптор А. Сакалаускас, архитектор Р. Криштапавичюс (автор фото Р. Чепайтене)

Тут можно упомянуть памятники еврейскому «Доктору Айболиту» - Ц. Шабаду (фото 12), известному французскому писателю, детство которого пробежало тут и легло в основу его знаменитого романа «Обещание рассвета» Р. Гари, украинскому национальному поэту Т. Шевченко (фото 13), который тоже несколько лет юности провел в этом городе и т.д. Но, несмотря на активное участие в процессах увековечивания памяти местных этнических сообществ, не мало вильнюсских скверов и площадей, откуда были удалены атрибуты советской идеологии, до сих пор остаются пустыми, а иногда и запущенными.

**Фото 12. Памятник местному еврейскому врачу Цемаху Шабалу на улице Месиню
2007 г., скульптор Р. Квинтас (автор фото Р. Чепайтене)**

**Фото 13. Памятник Т. Шевченке, 2011 г., скульптор В. Андриянов (автор фото Р.
Чепайтене). Поэт провел в городе несколько лет своей юности, по-этому изображен на
памятнике молодым**

Таким образом новая политическая репрезентация столицы могла опереться не только на демократический полилог разных «групп интереса», но и на историческое и символическое наследие, которое было начато реставрировать еще в советский период (проект комплексной реконструкции старого города –первой в СССР – был одобрен еще в 1956-1958 г., его реализация позволила выявить западноевропейские -готические и барочные - корни местной городской цивилизации, что тогда имело и немаловажное политическое значение (**фото 14**).

Фото 14. Перспектива улицы Пилес с в советское время реставрированным фасадом готического здания (Пилес 12) (автор фото Р. Чепайтене)

Тем временем советский пласт облика города дисонировал не только с утверждаемой «национальной» версией его прошлого, но и со стремлением Литвы «вернуться в Европу», поскорее интегрироваться в международные структуры безопасности и сотрудничества, по-этому наиболее яркие его знаки были начаты стирать еще во время распада СССР, тем самым пытаясь подчеркнуть католические и европейские черты города. Сегодня уже пришлось бы внимательно поискать сохранившихся атрибутов советской визуальной пропаганды. Без сомнения, символом сталинизма можно считать соцреалистические статуи Зеленого моста, которые по сей день вызывают радикально противоположные реакции общественности, от защиты их как уникального объекта искусства и культурной ценности, до призывов снести и

переправить в парк Гругас. На мой взгляд, эта, особенно после украинского «ленинопада» довольно обострившееся проблема, уже является решенной. Молодой скульптор Канутас Вильджуонас в 2009 г. повесил под мостом скульптуру «Цепь» (фото 15). Этот художественный объект, в обиход предложениям снести статуи или придать им другой облик, например, закрыть в клетки или заменить другими, «более подходящими» скульптурами, стал осуществлением *стратегии дополнения*. Таким образом мост превратился в трехмерное дидактическое средство, рассказывающее детям и молодежи об официальной, оптимистической, фасадной и другой, гулаговской, рабской сторонах советского режима. К сожалению, решением недавно избранного муниципального совета они будут снесены под предлогом «ремонта из за их аварийного состояния, которое грозит прохожим». Их будущая судьба неизвестна, но можно быть почти уверенным, что даже после реставрации (хотя не ясно, будет ли она вообще проводиться) их никто не собирается возвращать на место.

Фото 15. Зеленый мост зимой (автор фото В. Кубилюс)

Вообще исследователи склонны считать Вильнюс успешным примером постсоветской трансформации на пути к евроинтеграции⁶⁸. И хотя ему тоже присуще скопление знаков и атрибутов “глобального города” (новая высотная офисная архитектура, крупные супермаркеты, формы современного искусства в публичных пространствах и пр.), но, в отличие о “глобального города”, образ которого при своем развитии выбрали Москва, Баку или Астана, тут визуально преобладает измерение старого города.

Мифы о «золотом веке» и «толерантности»

Именно старый город или скорее его романтический образ, активно используемый индустрией туризма, формы и степень мифологизации его позволяет говорить и о наличии мифа о «золотом веке». Какие исторические периоды литовской истории можно считать этим «золотым веком», по сей день остается не совсем ясно. Если межвоенный период, то тогда Вильнюс тут ни при чем, приходится обратиться взгляд на тогдашнюю временную столицу Каунас⁶⁹, который в советское время славился как самый националистически и антирусско настроенный город Литвы. Но проблема уже выше упомянутой «двойственности» традиции литовской государственности и потребность связать средневековую историю с современностью, тем самым окончательно утвердив «литовскость» Вильнюса, не дают покоя новым идеологам. По-этому в начале 2000-ых начатое воссоздание Дворца Государей в Нижнем замке⁷⁰ можно без сомнения считать самым важным культурным проектом по выявлению памяти ВКЛ за весь период теперешнего независимого литовского государства.

До 1987 года, когда были начаты комплексные археологические раскопки территории в самом центре Вильнюса, рядом с Кафедральным собором, где когда-то

68 Титаренко Л. Г., Городское развитие на постсоветском пространстве: теоретические модели и реальность. *Постсоветские столицы: Минск, Вильнюс, Баку*. Минск, Издательский центр БГУ, 2009, с. 29.

69 Межвоенная архитектура Каунаса была недавно оценена на международном уровне и удостоилась почетного знака Европейского наследия.

70 Подробнее об этом случае см. Чепайтене Р., Воспоминание о величии: образ Великого Княжества Литовского в исторической памяти современной Литвы. *Український історичний збірник*, 2013. Випуск 16, с. 366-392.

находился Дворец Государей, составляющий неотъемлемую часть ансамбля Вильнюсского Верхнего и Нижнего замков, по письменным источникам было известно, что здание из четырех корпусов было начато строить в 1520 году, по приказу Польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда Старого и предназначалось для резиденции великого князя. При правлении его сына и последнего представителя литовской династии Ягелонов Сигизмунда Августа Дворец пережил период процветания и являлся центром высокой культуры Ренессанса. В стиле барокко Дворец перестраивался в начале XVII века, во времена правления шведской династии Ваза. В середине того же века, во время войны с Москвой, Дворец подвергся опустошению, и государи после этого в него больше не возвращались. Руины Дворца в самом центре Вильнюса простояли до 1801 года, когда, по приказу царского правительства, его надземная часть была разобрана на кирпичи и продана, а само место сравнено с землей.

Из за сильной символической нагрузки аутентичные останки Дворца никогда не были лишь местом нейтрального научного интереса. Этот объект можно с уверенностью считать “местом памяти” Великого Княжества Литовского *par excellence*. Таким образом, его исследование и сохранение всегда было скорее политической, идеологической, нежели только наследиеведческой проблемой. в 2000 г., приняв политическое решение, победила идея «воссоздания облика Дворца». В этом выборе надо отметить сильную личную инициативу первого Президента независимой Литвы Альгирдаса Бразаускаса, без прямого вмешательства которого одни лишь специалисты, наверное, бы по сей день спорили о возможных вариантах решения этого “Гордиевого узла” литовской охраны наследия. Решая вопрос о методике воссоздания Дворца, архитекторы-реставраторы выбрали термин “воссоздание образа Дворца Государей”, как более научно нейтральный, точный и соответствующий желанию части общества видеть “памятник потерянному памятнику”. Интересно, что будущее здание в политической риторике воспринималось и как памятник Литве, в 2009 году праздновавшей свое Тысячелетие. Кстати, в 2009 г. Вильнюс, вместе с австрийским городом Линцом, поделил честь нагод стать Европейской столицей культуры. По-этому планировалось закончить стройку Дворца до начала этих мероприятий. Но из за экономического кризиса 2008 года воссоздание Дворца до празднований Тысячелетия Литвы не удалось закончить. В итоге в Дворце создали традиционный элитарный музей искусств, показывающий эпоху процветания литовской культуры – XVI в. По этому поводу на западных аукционах на внушительные суммы было скупленно антикварной

мебели и произведений искусства эпохи Ренессанса. Работы внутри здания продолжают по сей день, хотя часть помещений уже доступны для посетителей, в них устроена музейная экспозиция, проводятся конференции, спектакли, концерты камерной музыки и пр. Но только время покажет, станет ли воссозданное здание Дворца Государей своеобразным полигоном укрепления исторической культуры, предлагающей более расширенный взгляд на многокультурное наследие Великого Княжества Литовского.

С этим акцентом интерпретации экспозиции Дворца можно связать и другой в постсоветское время довольно распространенный миф об особенной межэтнической и межконфессиональной толерантности ВКЛ, доказательством которой является уникальная в своем роде конфигурация урбанистического ландшафта Вильнюса. Хотя еще в политике памяти советского периода, опираясь на небезизвестную парадигму «дружбы народов», выявлялись некоторые «прогрессивные» аспекты многокультурного наследия города, сегодня эта тема вновь сплыла уже в контексте потребности решения проблем «гармоничного сосуществования обществ многокультурной Европы»⁷¹.

Миф о прогрессе

Можно заметить, что основным средством создания идеологического текста городского пространства в новое время в общем является модернизация - *миф о прогрессе*, проявляющийся в виде всего «нового» и «продвинутого», что эквивалентно заграничным достижениям в архитектуре и дизайне и указывает на богатство и экономические возможности конкретной страны. Поскольку советская идеология была по сути своей «прогрессивной», т.е. ориентировалась на преодоление социоэкономической отсталости страны и обещание создать хорошие условия жизни для советских граждан, то риторика и практики показа этого прогресса в советский период преобладали. Вильнюс тут не был исключением из правил, а в некоторых случаях даже становился передовым примером для других городов. Так случилось с созданием в 60-ых первого нового жилищного микрорайона города - Жирмунай, скопированного со скандинавского лекала и принесшего его проектировщикам

71 Graham B., Ashworth G. J., Tunbridge J. E., *A Geography of Heritage. Power, Culture and Economy*. London, Arnold, 2000, p. p. 113.

престижнейшую госпремию СССР (впервые за проект массового жилого строительства). Этому успеху литовских урбанистов и архитекторов последовало еще более крупное признание – в 1974 г. сдан в эксплуатацию микрорайон Лаздинай не только удосужился Ленинской премии, но и стал образцовым для проектировщиков всею СССР. Очевидно, этими, как и другими достижениями преобразований города советская власть не только пыталась осуществить идеологические догмы, но и доказать свою, в брежневский период начавшую подшатываться, легитимацию в глазах местного населения.

Сегодня мы живем в период рыночного управления городами (с середины 90-х до настоящего времени). Переориентация способов производства при переходе к постиндустриальной (информационной) стадии развития общества заметно влияет на выбор стратегий развития городов. Потребности экономического развития сейчас стали господствовать над удовлетворением социополитических потребностей. Акцентируется сектор различных услуг, формируется новый облик города, опирающийся на культурную индустрию (особенно туризм и наследие), на этом основании поощряются внутренние и иностранные инвестиции⁷².

Фото 16. Площадь Европы торжественно открытая в 2004 г., празднуя вступление Литвы в Европейский Союз (автор фото Р. Чепайтене)

72 Branchini F., Cultural Planning for Urban Sustainability. *City and Culture: Cultural Processes and Urban Sustainability* (ed. by L. Nystrom). Kalmar, The Swedish Urban Environment Council, 1999, p. 34 – 51.

В конце 90-ых за пределами старого города Вильнюса был начат формировать новый «урбанистический узел» высотных зданий, открыт во время торжеств вступления Литвы в ЕС в 2004 г., а его площадь названа Европейской (фото 16). Этот коммерческо-развлекательный комплекс стал ярким примером того, как, в контексте глобального капитализма, при помощи инвестиций международных организаций, превращающих города в однородные и обезличенные, их прежнее визуальное разнообразие теряет свою уникальность и нивелируется стилистически⁷³. Также аналитики с беспокойством отмечают, что потребности становящегося все более массовым туризма и всепроникающие навыки консюмеризма тоже неизбежно меняют как физический облик городов, так и их культуру и образ жизни⁷⁴. Социологи обращают внимание на то, что, при всемирном внедрении модели так называемой «макдиснейзации», современные города становятся все больше похожи не только друг на друга, но и на тематические парки⁷⁵.

Включение тематическим паркам свойственных атрибутов и практик в большие торговые центры стало важным элементом в процессе создания коммерческих пространств, приспособленных к постмодернистскому потреблению. Некоторые авторы даже называют такие образования «квинтэссенциями пространствами постмодернизма», где подчеркивается смешение множества различных архитектурных стилей, сращение реальности и фантазии и радость потребления⁷⁶. Эти новые торговые пространства – «города в городе» – привлекательны для посетителей, поскольку представленные здесь темы без труда локализуемы и понимаемы. В 2002 г. в Вильнюсе открыт громадный супермаркет под запоминающимся названием Акрополис – хвастливо названный «столицей торговли и развлечений» - не только увенчался бешеным коммерческим успехом и удостоился непроходящей популярности, но и бстал прообразом в других крупных городах Литвы построенных похожих супермаркетов. Интересно, что этот очень соседям белоруссам полюбившееся торговый центр Вильнюса, как и недавно, в 2013 г., под городом Президентом Литвы

73 Melanie K. Smith, *Issues in Cultural Tourism Studies*. London, Routledge, 2003, p. 169.

74 Boniface P., Fowler P. J., *Heritage and Tourism in „the Global Village“*. London, Routledge, 1996, p. 64.

75 Ritzer G., *The McDonaldization of Society*. Thousand Oaks, Pine Forge Press, 1996.

76 Misik R., *Simulated cities, sedated living. The shopping mall as paradigmatic site of lifestyle capitalism*. <http://www.eurozine.com/articles/2006-12-15-misik-en.html>

Д. Грибаускайте открытая первая в странах Балтии IKEA, рассчитаны на привлечение покупателей всего региона. Таким образом, наверное, полушутя можно говорить об очередной (на этот раз коммерческой) попытке воссоздания Великого княжества литовского со столицей в Вильнюсе.

Выводы

Из за своей сложной истории Вильнюс, как важное место в процессах нациастроения народов региона⁷⁷, до сих пор представляет труднорешаемую проблему, связанную с вопросом об определении, формировании и стабилизации его идентичности. Многочисленные попытки разных времен «втиснуть» многокультурное и многогранное прошлое этого прекрасного города в узкие рамки одного или другого националистического нарратива всегда претерпевали немалые трудности и чаще всего не проходили без нарушений верности историческим фактам. По-этому на место сложной, часто неудобной и несклонной к прямым манипуляциям истории города прибегали к мифотворчеству, позволявшему подтвердить право одних или других политических сил управлять им. Тому служили разнообразные средства – уничтожение или изменения физических останков «инородного» наследия, их переинтерпретация или одностороннее присвоение, внедрение новых идеологических знаков и символов в публичное пространство, но город, как-бы терпеливо принимая все это, все-таки каким-то чудным образом умудрялся остаться верным себе, своему истинному *genius loci*, с которым раннее или позже приходилось считаться и его очередным хозяивам. Долгая традиция мифотворчества Вильнюса оставила нам богатое и многогранное наследие культур воспоминания, запечатленное в его публичном и символическом ландшафте. Мифотворческая подоплека преобразований городского облика позволила сформировать многослойный полисемический визуальный текст, который так манит туристов.

Мифические черты культур воспоминания Вильнюса, которые я тут попыталась раскрыть и типологизировать, позволяет сделать несколько выводов. Первое, хотя разные в XIX-XX в.в. им овладевавшие политические режимы и ими исповедуемые

⁷⁷ В данной статье я оставила в стороне рассмотрение еще одной попытки национального «присвоения» города – роль Вильнюса в историческом сознании белоруссов, особенно в контексте вновь сплывшей псевдонаучной концепции «литванизма», вообще отрицающей вклад литовцев в становление ВКЛ, в пользу белоруссов (некоторые академически некорректные белорусские историки даже употребляют анахроническое и исторически неверное название «Белорусь-ВКЛ»).

идеологические доктрины пытались создать лишь «своим», «посвященным», «воображаемому сообществу нации» предназначенное и доступное повествование *о нашем городе*, деконструкция *мифов о начале, единении, освобождении* и выше приведенные примеры их осуществлении в городском пространстве, раскрывают по сути нерешаемые смысловые противоречия и нехватку твердой политической или культурной опоры, которая позволила бы «до конца» освоить этот город и легитимировать свою власть над ним. Второе, функция *мифов о золотом веке* или *толерантности* от них немного отличается. Ими решаются проблемы скорее внешней, нежели внутренней политики – показать «исконно европейские» корни города и страны, из его богатого прошлого взять и использовать лишь те исторические прецеденты, которые могут быть привлечены как примеры успешного долговременного межэтнического сосуществования, что ныне стало очень актуально при расширении ЕС. В отличие от них, *миф о прогрессе* скорее ориентирован не на создание стабильных и долгосрочных групповых идентичностей, а на отражение более универсального дискурса «модернизации», демонстрации достигнутого уровня цивилизации столицы и «социального благополучия» страны.

Предложенная типологизация вильнюсских мифов, конечно, отнюдь не является изчерпывающей и нерушимой. Город этот намного богаче всяческих схем или попыток разложить эго рассказы «по полочкам», опираясь на сугубо сухую логику и объективность. Вообще, будучи жителем и (неизбежно) страстным любителем этого города, говорить о нем безпридвзято трудно и даже, наверное, невозможно, по-этому я тут попыталась приподнять лишь краешек им охраняемых тайн...

Раса Чепайтене, доктор гуманитарных наук, старший научный сотрудник Института Истории Литвы, профессор Вильнюсского университета. Автор нескольких монографий и сборников статей, в том числе на русском языке («Культурное наследие в глобальном мире». Вильнюс, ЕГУ, 2010) и многочисленных статей, посвященных исследованиям культурного наследия и политики памяти, городского пространства советской и постсоветской культуры, изданных в Лите и зарубежом.

Адресс: Институт Истории Литвы, Вильнюс, ул. Кражю 5.

rasa.cepaitiene@if.vu.lt